

В. Г. Белинский

Римские элегии. Сочинение Гете. Перев. А. Струговщикова

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

РИМСКИЕ ЭЛЕГИИ. Сочинение Гете. Перевод А. Струговщикова. С.-Петербург. В тип. Е. Фишера. 1840. В 8-ю д. л. 60 стр.

Вот еще другое явление литературного мира, которое так же радует истинного любителя и знатока искусства, как и роман г. Лермонтова, хотя и принадлежит совершенно к другой сфере творчества, другому небу и другой стране. Но они оба изящны -- и вот их сходство. Одно оригинальное произведение, другое переводное; оба они бесконечно выше всего, что вышло в продолжение нескольких лет из-под станков русских типографий.

"Римские элегии", произведение юности Гете¹, принадлежат к роскошнейшим плодам его творческой деятельности, к самым фундаментальным опорам его поэтической славы. Кроме того, они относятся к тем из его созданий, которые наиболее характеризуют его объективный гений. В те лета жизни, когда пожирающая эксцентрическая деятельность субъективного гения Шиллера изнемогала в борьбе с внешним миром, -- спокойный, созерцательный, сосредоточенный гений Гете, под счастливым небом Италии, на лоне прекрасной природы, посреди памятников древнего искусства, роскошно упивался действительностью, вполне переживал греческий период жизни и в пластических, античных образах священной эллинской музы передал человечеству этот поэтический период своей жизни. Таково значение гения: его частное, его личное есть общее всего человечества. И вот почему я, это несносное слово в устах всякого другого, так важно, так глубоко знаменательно в устах великого поэта. Только невежды могут говорить, что "Римские элегии" -- шалость гения. Странные люди! в чем у них мерка изящного? Они вешают его пудами, меряют аршинами, словно безграмотные книгопродавцы, которые, покупая у авторов рукопись, прежде всего пробуют на руке ее тяжесть и считают число листов. Для них "Россиада" Хераскова выше лирического стихотворения Пушкина, потому что *больше*. За недостатком внутреннего ясновидения, они осматривают глазами, забыв, что глаза есть и у быков, да еще пребольшущие, а внутренние чувства только у человека...

В одной из следующих книжек "Отечественных записок" читатели найдут особую статью о "Римских элегиях", которые представляют собою такой обширный и важный предмет, что его нельзя обсудить в рецензии газеты². Теперь же мы только скажем, что перевод, если не равен подлиннику, то вполне достоин его. Строгая критика справедливо осудит неровность, шероховатость и неловкость некоторых стихов в переводе г. Струговщикова; но она же должна отдать ему справедливость в том, что он удивительно верно передает дух подлинника, передает именно то, что есть его сущность, жизнь, тот *букет*, который составляет характер и достоинство хорошего вина и которым можно называть невидимую жизнь, веющую в художественных созданиях и неуловимую ни для какого выражения на человеческом языке. Сверх того, и самые стихи г. Струговщикова большею частью пластичны, исполнены гармонии, а образы почти везде грациозны и благоуханны³. Вот элегия, которая вполне может служить доказательством справедливости нашего мнения о переводе г. Струговщикова:

Весело, славно живу я здесь, на классической почве;
Утро проходит в занятиях: читая творения древних,
Ум постигает ясней век и людей современных;
Ночь посвящаю богу любви: пусть вполовину
Буду я только учен,-- да за это блажен я трикраты!
Впрочем, учиться могу я и тут, как везде, созерцая
Формы живые лучшего в мире создания, в ту пору
Глазом смотрю осязающим, зрящей рукой осязаю,
Тайну искусства, мрамор и краски вполне изучая.